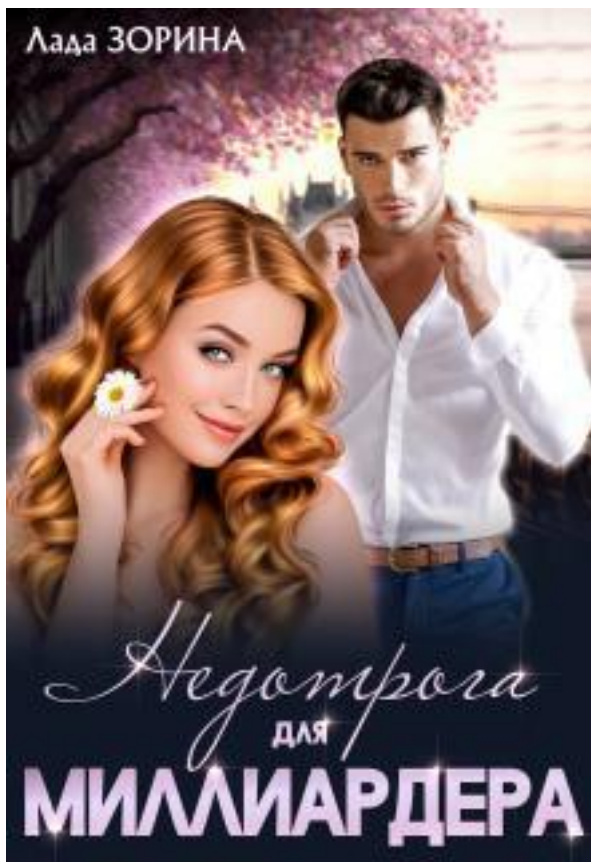

Лада ЗОРИНА

Лада Зорина

Недотрога для миллиардера

<https://litres.ru/74214317>

Аннотация

— Я тебя всё равно получу, недотрога, — хриплый шёпот путает мои мысли. Пытаюсь освободиться, но хватка у него просто железная. Он крепче прижимает меня к себе. Горячие губы касаются шеи. — Сопrotивляйся, — велит он насмешливо. — Только сильнее заводишь.

Макс Радов вырос, уехал в столицу, разбогател и заглянул по делам в родной городок. Хулиган-одноклассник, от шуток которого я пострадала, при встрече даже меня не узнал. Я тоже выросла. Никуда не уехала. Ничего не забыла. И так хочу ему отомстить! Но ненависть в нашем споре не находит ответов, их внезапно находит... любовь.

♥# Брутальный красавец-герой ♥# Сильная и нежная героиня
♥# Эмоции на грани ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 12	60
Глава 13	66
Глава 11	72
Глава 14	77
Глава 15	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Глава 1

Сегодняшний день начинался как обычно. Ничто не предвещало перемен и потрясений. Ничто не заставило меня насторожиться или занервничать — даже вчерашнее упоминание моего начальства о том, что сегодня он ждёт у себя какого-то важного гостя.

Я преспокойно позавтракала, позвонила маме, покормила у подъезда наше общее придомовое достояние — дворовых кошек — и отправилась на работу, радуясь, что не забыла спросонья нацепить фитнес-браслет, к которому всё никак не могла себя приучить.

Первые отзвуки приближавшейся грозы слышались, когда обнаружилось, что сегодня в приёмной мэра я работаю не одна. Наташа разбирала у себя на столе бумаги и помахала рукой, завидев меня на пороге.

— Ксюха, привет!

— Привет. А ты чего это?..

— А я сегодня тебе помогаю.

Обычно попарно мы работали во времена городских праздников или каких-нибудь авралов, ну и к концу года, когда вся мэрия, как ошпаренная, носилась с годовыми отчётами, сметами и занималась прочей бумажной волокитой.

А сегодня... сегодня был обычный, в общем-то, день.

Вроде бы.

Я скосила глаза на календарь у себя над столом, осторожно опустила свой почти допитый стаканчик кофе на стол и просканировала расписание.

Да нет, никаких срочных дел.

— Так, Кораблёва, у нас что, форс-мажор какой-нибудь?

Я уже полезла в карман за телефоном, холодея от мысли, что забыла снять его с беззвучного, и начальник до меня попросту не дозвонился. Но коллега меня успокоила.

— Да нет, не форс-мажор. Просто сегодня же кто-то важный из Москвы приезжает. Ну, помнишь, Карташов вчера говорил, когда я за бумагами приезжала?

Ох, точно. Я с облегчением кивнула и вылезла из пальто, повесила его в шкафчик. Апрель на дворе, а погода по-прежнему не радовала нас весенним теплом.

— У меня вчера к вечеру голова так опухла от переоформления договоров с Минкультуры, что я об этом почти и забыла.

Наташа фыркнула и кивнула, мол, плавали — знаем.

— Ты с ними всё утрясла?

— Ага, — я включила компьютер и присела за стол, с удовольствием допивая свой ещё не остывший кофе. — Надеюсь, сегодняшний день порадует меня тишиной.

И ошиблась. Очень сильно ошиблась.

Никогда ещё в своей жизни я, кажется, так сильно не ошибалась.

Всё случилось после обеда. До двенадцати мэр вызвал меня к себе всего раз — напомнить о госте.

— Ксения, ты же помнишь, что у меня сегодня важная встреча?

Вопрос, конечно же, риторический. Я — его секретарь, я обязана помнить.

— Да, Сергей Николаевич. Я только не ожидала, что вы и Наташу выйти попросите. Что, настолько важный?

— Из столицы, — Карташов нервно поправил свой галстук. — Как выглядит? Не криво?

Я пригляделась, покачала головой.

— Всё в полном порядке.

После развода Карташов переживал, что его холостяцкий статус негативно скажется на шансах переизбраться. Зря переживал. В нашем городке в нём души не чаяли, а пиар-команда сделала верную ставку — и теперь, когда на второй срок представительный и до кончиков ногтей интеллигентный Сергей Николаевич избрался свободным человеком, на приём к нему записывались сплошь дамы.

И это было бы забавно, если бы с большинством из них не приходилось иметь дело нам, его непосредственным помощникам.

Карташов меж тем бросил мучить свой галстук, посмотрел на меня внимательно.

— Напомни, у нас же есть чем при случае его угостить?

Я наморщила лоб, вспоминая.

— Чай, кофе и что-нибудь к ним — конечно. В холодильнике фрукты свежие. Есть конфеты. Но если вы о чём-то покрепче... я загляну в мини-бар.

— Спасибо, — кивнул Сергей Николаевич.

Заметно было, что ему неудобно поднимать этот вопрос. Он не употреблял алкоголь и ещё поэтому вызывал у женской части нашего электората буквально экстатический восторг.

— Ты же знаешь, я в спиртном совсем не разбираюсь.

Я кивнула, сделав ментальную зарубку — провести ревизию и при необходимости обновить закрома. Гости у мэра были самые разные. Руку всегда требовалось держать на пульсе.

— Не переживайте, мы с Наташей при необходимости всё организуем.

— Спасибо, Ксения, — светло-карие глаза не спешили меня отпускать, будто он собирался сказать что-то ещё. Но в приёмной зазвонил телефон.

Я извинилась и покинула его кабинет, переведя дух от облегчения. В последнее время меня его пристальные взгляды начинали нервировать. Вот и думай: то ли ты где-то проштрафилась, то ли ещё что...

Но очень скоро меня эти мелочи перестали тревожить. Наступил обед, за ним — короткая сессия телефонных звонков по поручениям, а потом в дверь приёмной очень уверенно постучали, и на пороге появился он, тот самый москов-

ский гость, которого так дожидался наш Карташов.

Высокий, темноволосый, косая сажень в плечах.

Идеально скроенный строгий костюм, дорожные часы на запястье. Позади него — худощавый юный блондин, по виду, помощник.

Но помощника я почти не разглядела.

Смотрела на гостя — и пол скользил у меня из-под ног.

Я вцепилась пальцами в край стола, не решаясь присесть. Уловила боковым зрением, как вскочила Наташа и что-то защебетала. Вид столичного гостя привёл её в небывалый восторг.

Нет. Это не он.

Это, конечно, не он.

Я ошиблась. Просто очень похож.

Да и сколько лет с тех пор-то прошло. Лет десять, не меньше!

Мои мысли прекратили свой лихорадочный бег, когда жгуче-карие глаза остановились на мне, и он улыбнулся. Улыбнулся безупречно вежливо и совершенно бесстрастно.

— Добрый день. Максим Радов. Из Москвы. Сергей Николаевич у себя, я надеюсь?

Нет, я не ошиблась. Это был он.

И он смотрел на меня. Я не могла не ответить.

— Сейчас доложу, — услышала я собственный голос и на негнущихся ногах пошла в кабинет. Получив добро от мэра, распахнула двери шире, приглашая гостя и стараясь на

него не глазеть.

Гость снова мне улыбнулся, поравнялся со мной, кивнул:
— Благодарю... извините, не знаю вашего имени.

Я смотрела на него и ушам своим не верила.

Не знает... моего имени. Не знает моего имени!

— Проходите, — вместо ответа брякнула я и, как ошпаренная, кинулась к своему столу.

Дверь за гостем закрылась. Я плюхнулась в своё кресло и уставилась в экран монитора. Над которым минуту спустя всплыло потрясённое лицо моей коллеги.

— Ксюш... что это было?

Дорогие друзья, добро пожаловать в новую книгу!

Это история о том, как прошлое накрепко связало двух, казалось бы, совершенно разных людей. И теперь им уже никуда друг от друга не деться. :)

Если начало вас заинтриговало, подписывайтесь на автора, комментируйте и добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять.

Приятного чтения!

Глава 2

Что это было?

Хороший вопрос. Очень логичный. Очень своевременный.

И ведь у меня чутьё на неприятности развито безупречно! Но тут... ничего ведь даже не ёкнуло до тех пор, пока этот *гость* не обнаружился на пороге.

— Ксюша... ты меня пугаешь.

Я заставила себя перевести глаза на Кораблёву, и от того, какой изумлённой она выглядела, могла только предположить, как моё поведение выглядело со стороны.

Господи, ведь столько лет прошло. Я не просто надеялась, я *была уверена*, что все мои прошлые боли канули в небытие вместе со школьными годами чудесными, о которых я старалась не вспоминать с тех самых пор, как прозвенел долгожданный школьный звонок.

Но память надо мной откровенно забавлялась, вытаскивая из воображаемых чуланчиков бережно хранимые воспоминания — причины моих давних страданий.

— Извини, Наташ, — я провела пальцами по лицу, будто так ожидала определить, насколько бледной и растерянной сейчас выгляжу. — Извини, я...

Мне требовалось какое-то время, чтобы хоть чуточку прийти в себя.

— Ты будто призрака увидала, — не унималась коллега.
— Но московский-то вроде бы ничего не заметил. Тебе плохо? Может, окно открыть? Я просто не знаю...

Я покачала головой:

— Всё в порядке, — никогда я ещё так страшно не врала.
— Сейчас пройдёт. Я немного... голова закружилась.

— Ага! Вот я тебе говорила, что ты слишком много кофе хлещешь! Это всё от него.

Наташа отыскивала объяснение моему странному поведению и ту же заметно успокоилась. А я порадовалась, что она хотя бы на время отстала от меня с расспросами. Мне требовалась передышка, чтобы собрать мысли воедино.

Но зря я на такую роскошь надеялась.

Кораблёва вернулась за свой стол по другую сторону от двустворчатых дверей в кабинет мэра, но вовсе не для того, чтобы продолжить работу. Вместо этого откинулась на спинку кресла и мечтательно закатила глаза:

— Блин, ты когда-нибудь такого красивого мужика вообще видела? Знаешь, тут реально может голова закружиться.

И только мне показалось, что хуже быть уже не может, как в дверь приёмной тихонько постучали, следом в проём сунулась кудрявая голова Алёны Козиной из приёмной Свиридова, старшего помощника мэра.

— Приве-е-ет, — едва не шепотом поздоровалась она. — О, Ксюш, ты причёску сменила?

Я машинально дотронулась до своих идеально ровных се-

годня прядей, скрученных в узел на затылке, пробормотала:

— Просто выпрямила. Ничего особенного.

— Да тебе всё к лицу, — сделала комплимент Алёна. — Тьфу-тьфу, но я, если что, не глазливая. Я вообще чего заглянула-то, девчонки. Спросить хотела, а кто это к нашему мэру приехал?

Мне захотелось сползти со стула под стол и спрятаться там до конца рабочего дня. Но Наталья с удовольствием подхватила инициативу.

— Это какая-то московская шишка, представляешь?

— А что он тут забыл? Что ему от нашего Карташова-то надо?

Наташа посмотрела на меня, но я умудрилась с самым спокойным видом пожать плечами, и у меня получилось это только потому, что я до сих пор не отошла от онемения.

— Мы не в курсе.

Алёна скривила рожицу, мол, хорош заливать, но Наташа яростно помотала головой.

— Нет, Алён, я серьёзно. Начальство нам только вчера о его визите сообщило.

Алёна перевела глаза на меня. Пришлось поддерживать разговор.

— Это правда.

— Девчат, но какой мужчина...

— Скажи! — обрадовалась Наташа, так и запрыгав в кресле. — Кинозвезда, а не мужик! Эти глаза, эти скулы, это

мощный подбородок, м-м-м-м... Их там в столице где-то штампуют, что ли?

И от этих её слов мне очень захотелось во весь голос расхохотаться. Но тогда моя бдительная коллега уж точно звала бы мне неотложку.

— Вон, видишь, Ксюшку даже слегка встряхнуло от одного его вида.

— А что случилось?

Я сглотнула, готовясь придумывать что-то на ходу.

— Да шучу я. Голова у неё слегка закружилась. Всё потому что кофе свой без просыху хлещет.

— Ой, я слышала, с кофе надо поосторожнее...

И я уже понадеялась, что хоть на несколько минут они переключатся на что-нибудь другое, но и тут просчиталась.

— Ладно, мне бежать надо. Начальство-то в кабинете. А вы не знаете, он надолго?

Господи боже, надеюсь, он сегодня же отсюда и укатит. Пусть возвращается в свою Москву, а ещё лучше, куда подальше — к чёрту на кулички. Там ему самое место.

Наташа со скорбным выражением лица покачала головой.

— Вообще ничего об этом не знаем.

— Ну ладно, — сдалась Алёна. — Держите в курсе!

И умчалась, но можно было даже не сомневаться — к концу рабочего дня она ещё к нам наведается. А, возможно, и не одна.

Потому что в следующие полчаса в приёмную успела

заглянуть заместитель начальника кадрового отдела и зам старшего юриста — примерно с теми же вопросами, которыми мучилась Козина.

И ощущение нереальности происходящего окончательно поглотило меня. Да они что, совсем взбесились, что ли? Или весна так на них действует?

Как им может нравиться этот... этот эгоистичный, самовлюблённый гад?!

Но голос разума бесстрастно напомнил мне, что они ничего об этом эгоистичном, самовлюблённом гаде не знают, а внешность, к сожалению, очень обманчива. Особенно если учесть, что этот самый гад обзавёлся крайне впечатляющей внешностью.

Боже мой, как же это всё-таки несправедливо... За всё им содеянное Радов должен был вырасти в кривоногое, пузатое, лысеющее нечто. Вот тогда бы я поверила, что есть на свете справедливость...

— Ксюш, — ворвался в мои мрачные мысли вкрадчивый голос Наташи. — Ксюша...

— А?

Я подняла на неё глаза и с удивлением отметила, что скулы у неё порозовели.

— А ты случайно не заметила, у него кольцо на пальце есть?

И это стало последней каплей. Нет, довольно с меня этого сумасшествия.

— Не заметила, — отрезала я. — И мой тебе совет — не забивай себе этим голову.

— Почему?

— Потому что он того не стоит.

Наташины глаза натурально округлились:

— В смысле... тебе-то это откуда известно?

— Оттуда.

Она даже привстала из своего кресла и перешла на громкий до драматичности шёпот:

— Ты его знаешь?! Ксения! Я ж не отстану!

— Знаю, — я с ненавистью уставилась на закрытые двери мэрского кабинета.

Как же не знать? Он мне всю жизнь испоганил.

Глава 3

Кораблёва смотрела на меня круглыми, как блюдца, глазами. Будто я как бы между прочим сообщила ей, что вчера летала на Луну.

— Так что ж ты молчишь! Как? Откуда?!

Я вздохнула и принялась ёрзать в своём резко потерявшем всякий привычный уют рабочем кресле. Дура я, не надо было. Совсем не умею следить за собственными порывами. Ясно же, что от объяснений теперь не отвертеться.

— В одном с ним классе училась, не поверишь.

Возбуждение на лице моей коллеги сменилось откровенным недоверием. Она зачем-то перевела взгляд на двери кабинета, будто всерьёз ожидала, что оттуда высунется Радов и опровергнет мои слова.

— В смысле?.. Шутишь, что ли?

— Ага, — мрачно согласилась я, поправляя воротник блузки. — Я же та ещё шутница.

— Нет, погоди... так он же из Москвы...

Я всё-таки не сдержалась и фыркнула:

— Наташ, ну ты чего? Про переезды слышала? Это когда люди из одного города в другой перебираются.

Наташкино лицо скривилось:

— Да уж, действительно, шутить ты не умеешь.

— Извини, — вздохнула я. — Совсем не ожидала... всего

этого. Не в себе немного. Но поверь мне, московским он стал не раньше, чем закончил нашу городскую школу №2.

Наташа продолжала буравить взглядом дверь кабинета, но теперь уже в задумчивости.

— И как это мы позволили такому мужику от нас сбежать?

Мне захотелось плюхнуться лицом в стол, и я бы обязательно это сделала, если бы не обеспечила себе при этом сто-процентный перелом носа.

— Наташ...

— Что? — пожала плечами Кораблёва. — Знаешь, может, это тебе никто не нужен. Может, это ты преспокойно живёшь себе одна и ни в ком не нуждаешься. А мы в нашей глуши вообще-то без нормальных мужиков страдаем, если ты вдруг не заметила. А этот не то что нормальный... этот как с обложки журнала сошёл, ей богу.

— И что? Что теперь-то? Слюной исходить? Для тебя его внешность — самое главное? — снова начала раздражаться я. — А что у него внутри, тебя не волнует?

— Ну так просвети, — вскинулась Наташа. — По твоему угрюмому виду, я так поняла, у тебя на него целая папка компромата собралась. Что, за косички тебя дёргал? Портфель отбирал?

И мне вдруг стало очень обидно. Жутко обидно, хоть я и не имела права обижаться. Наташе ведь совершенно ничего неизвестно о том, какое прошлое связывало нас с Радовым.

— Что-то вроде того, — проямлила я.

Не могла я, не стала бы с ней ничем делиться. Особенно сейчас, когда мои прошлые трагедии, сколь угодно для неё мелкие и глупые, заведомо отметались ею как ничего не значащие.

Но в памяти, невзирая на все мои отчаянные попытки не копошиться в прошлом, всплывали фрагменты из школьной жизни. Пёстрый калейдоскоп не очень-то весёлых кадров.

Вот я в младшем классе жую на перемене принесённую из дома булку. Трое мальчишек смеются в сторонке, а потом один из них — кареглазый с тёмно-каштановыми вихрами — подбегает ко мне и отбирает остатки сдобы, бросает на землю. Его приятели смеются.

— Хватит булки лопать! И так уже хрюшка! — хохочет он и убегает.

Вот я постарше, дежурю в опустевшем классе, старательно отмываю доску от меловых разводов. В проходе маячат одноклассники. Вымахавший за лето кареглазый брюнет кривится и под издевательский смех приятелей тянет:

— Ни фиги-а-а себе, Стешина, ты за лето задницу отъела.

Но последние два года школы, когда мне удалось худо-бедно избавиться от лишнего веса, жизни мне совсем не облегчили. Радов на меня, кажется, ещё сильнее взъелся.

А вот одно из самых позорных воспоминаний. Прокравшаяся даже в наш медвежий уголок традиция отмечать 14 февраля... Все носятся по школе как сумасшедшие, краснея, шлют и получают валентинки.

И мне, как, впрочем, и в прошлом году, и в позапрошлом, никто ничего не присылал. А под конец занятий дежурные «почтальоны», разносившие послания, опустили на мою парту сложенное вдвое красное сердечко. Анонимное приглашение погулять «сегодня вечером в парке».

В парке Радов со своей тогдашней заздобой и дружками долго хохотали, наблюдая, как я, расфуфыренная и одолжившая у мамы сапожки на каблуках, до густой темноты просидела на парковой скамейке, выжидая таинственного анонима...

И все эти воспоминания... это... это ещё только цветочки.

— Ксюш, — вырвал меня из удушливых воспоминаний голос Наташи, — ты объясни, а как так получается, что ты его узнала, а он тебя...

Да, это, как раз самое забавное. Самое логичное. И самое отвратительное во всей истории. Повзрослевший хулиган даже не помнил свою школьную жертву. Вот именно столько я для него значила.

— Ты мои школьные фото когда-нибудь видела? — печально усмехнулась я.

Наташа помотала головой, и я кивнула.

— Вот я когда их порой перебираю, тоже себя не узнаю. Сильно изменилась с тех пор. Под мальчика не стригусь, зубы выровняла, очки не ношу. И сильно похудела.

Да. Я с тех пор очень сильно изменилась.

Он... не особо. В том смысле, что всегда был смазливым.

Но вот заматерел, чтоб его, идеально.

— Слушай, ну просто «Санта-Барбара» какая-то, — усмехнулась Наташа. — Так ты ему напоминать не собираешься?

— Боже упаси! — замотала я головой. — Пусть заканчивает свои переговоры и уметается отсюда на все четыре стороны. Только встречи одноклассников мне для полного счастья и не хватало.

— Ну да, — задумчиво согласилась коллега. — Может, он и впрямь тут проездом...

И я была бесконечно благодарна ей за то, что она не стала цепляться за меня, как бультерьер, в попытках вытрясти всё, что только можно, о красавчике из Москвы.

— ...или не может, — совершенно неожиданно продолжила она свою фразу.

Я, в мыслях уже заваривавшая себе здоровенную кружку свежего кофе с корицей, уставилась на неё.

— В смысле?

Кораблёва подняла свой телефон и проговорила едва ли не извиняющимся тоном:

— Тут... это... Карташов мне в чат написал.

— Прямо сейчас?

— Ага. Видать, общение у них затягивается. Короче, просит забронировать гостю лучший номер в лучшей гостинице. Сегодня этот Радов от нас точно не уедет.

Глава 4

Дел у него было по горло. И не то чтобы он не вывозил. Как раз наоборот, за последние года полтора удалось накопец-то наладить всё так, что бизнес работал как часы. Не без помощи Фомина, конечно, но без него Макс в целом-то подняться не надеялся. Фомин был ему как отец и, что главное, учитель.

Он, конечно, при любом раскладе стал бы серьёзным игроком и имя себе заработал, но потратил бы на это куда больше времени, крови и пота. Куда большим пожертвовал бы. И только поэтому не стал возражать, когда Валерий Степанович предложил ему в качестве альтернативы навестить свою малую родину.

— Максим, я посоветовал бы подумать. Куда быстрее, легче и в целом перспективнее решать такие вопросы на месте, а не удалённо. Если действительно хочешь поднять на крыло этот проект, поезжай.

— Без меня-то тут справитесь? — ухмыльнулся Макс. Он и сам понимал, что Фомин прав. Просто ехать не особо хотелось.

— Ты нос-то не задирай. Первый миллиард заработал, и смотри, хвост распушил, — но в глазах наставника светилась гордость за воспитанника. — Шуруй давай в свою провинцию. Тебе полезно будет. Обчешешь с себя столичный лоск.

И, наверное, он был прав. Но к виду знакомых мест, в которых он чёрт знает сколько лет не бывал, ещё предстояло привыкнуть. Потому что сейчас эти самые знакомые места навевали на него меланхолию.

Нет, городок выглядел относительно чистым, опрятным, но вместе с тем каким-то... забытым, сонным, застывшим во времени, живущим в своём крохотном мирке вдали от бешеного ритма больших городов.

Вся его жизнь принадлежала столице, там был его дом, здесь — лишь неприятные воспоминания, да и воспоминаний этих осталось не так уж и много.

Мэр, впрочем, представлялся человеком порядочным, интеллигентным и довольно сговорчивым. Обаяние статусности не могло на него не повлиять, тем более что он пока понятия не имел, какие планы могли привести влиятельного бизнесмена Радова в их богом забытый городишко.

И он попытался объяснить свою причину визита лаконично и чётко, в подробности не вдаваясь. Для начала стоило прощупать почву. Понять, сколько на самом деле власти было у местного градоначальника.

— Представьте, сколько пользы для города, — завершил свои объяснения Максим, внимательно следя за реакцией собеседника. — Помимо очевидных выгод вроде новых рабочих мест, инвестиций, развития инфраструктуры.

Карташов слушал внимательно. Возражать не спешил. Впрочем, поддакивать тоже. Думал. Размышлял. Примери-

вался.

Кто он такой, этот Карташов?.. Скорее всего, старше его лет на десять и стопроцентно местный. Отзывы о нём сугубо положительные. С тутошним бизнесом работает охотно, палки в колёса не ставит, решение принимает разумные и взвешенные. Одним словом, адекватный человек. Есть большой шанс договориться.

— Ваше предложение, безусловно, заманчиво, — мэр потёр висок, сжал в ниточку и без того узкие губы. — Но вы же понимаете, единолично я такие решения принимать не могу. А место у вас на примете есть? Вы так говорили, будто уже точно знаете, где взялись бы строить.

Макс кивнул.

— На месте старого универмага «Лебедь».

— Напротив Дома культуры?

— Через речку, да.

Карташов усмехнулся, качнул головой:

— До сих пор не привыкну, что вы местный. Город знаете хорошо.

— Это несложно, — Макс улыбнулся одними губами. — Площадь, ДК и старый универмаг — центр города. Если не брать в расчёт шатания по дворам, я там с друзьями всё своё детство и проводил.

И с этих пор разговор перетёк в новое русло, которое не деловым сильно-то назовёшь, но Макс не возражал. Так даже лучше. Пусть мэр поймёт и прочувствует, что Радову на свою

малую родину не наплевать. Что он со своим проектом сюда припёрся не ради наживы. Ну, скажем так, не только ради неё. Бизнес подразумевает получение прибыли, но не всегда всё упирается исключительно в оную.

— У вас здесь наверняка столько знакомых осталось.

— Сложно сказать, — Макс пожал плечами, побарабанив пальцами по подлокотнику кожаного кресла. — Пока никого из них не видел. Дела.

— Понимаю, — кивнул Карташов. — В какой школе учились?

— Во второй.

— Надо же. Забавное совпадение.

Макс приподнял брови:

— Вы тоже?

— Нет. Нет, не я. Моя помощница. Секретарь. Из приёмной.

Радов кивнул, пытаясь припомнить:

— Черненькая или рыженькая?

Мэра такие характеристики, очевидно, смутили. Он усмехнулся и отчего-то поправил галстук, кашлянул:

— Рыженькая. Да. Ксения Стешина.

Это имя, как и всё остальное, не касавшееся непосредственно дела, поначалу пролетело мимо его внимания. Слишком сильно его занимал проект и реакция на него здешнего градоначальника.

Но потом...

Ксения... Стешина...

Да ладно?..

Макс взглянул на собеседника повнимательнее. Нахмурился.

Та фигуристая красотка с зелёными глазищами?..

Не-а. Без вариантов. Не могла она быть Ксенией Стешиной.

Он бы узнал. Он бы вспомнил.

Стешину он бы ни с кем не перепутал.

И эти мысли невольно крутились в его голове, когда он, попрощавшись с мэром и назначив скорую новую встречу, выходил в сопровождении своего молчаливого помощника в приёмную.

Когда повернулся к столу, за которым сидела помощница мэра.

И наткнулся на горящий ненавистью зелёный взгляд.

Зелёный взгляд своей одноклассницы Ксении Стешиной.

Глава 5

Господи, только не это. Только не это. Мне позарез хватало и того, что этот *предел мечтаний* снова дышал одним со мной воздухом.

Только не оставляй его здесь надолго. Пожалуйста.

Максимум на день — а завтра пусть катится в свою Белокаменную и больше не возвращается.

Ну за что ты со мной так? Мало я, что ли, от этого гада натерпелась?..

Но мой очень важный и пламенный разговор с небесами прервали до того, как вселенная послала мне хоть какой-нибудь обнадеживающий знак, мол, Ксюш, не дрейфь, мы его к тебе не подпустим.

Двери кабинета распахнулись — и я вновь оказалась лицом к лицу с объектом своих кошмаров.

Наталья крутилась в своём кресле в очевидной надежде, что её тоже заметят. Маячивший за плечом своего нанимателя блондинистый помощник что-то листал в своём телефоне.

Радов остановился у моего стола, и пришлось поднять на него взгляд, как бы мне ни хотелось, чтобы он прошёл мимо — напрямик к выходу из приёмной.

— Сдуреть просто. Я совсем тебя не узнал.

У меня даже рот приоткрылся от неожиданности. Радов

смотрел на меня в полнейшем недоумении. Карий взгляд скользил по моему лицу со странной жадностью, будто его хозяин что-то пытался для себя осознать.

— Ты же... мы в одном классе учились. Ксения Стешина, верно?

Ледяная волна с тошнотворной медленностью окатила меня от самой макушки до кончиков пальцев на ногах.

Я распрямила плечи, приподняла подбородок, будто своими словами он вызывал меня на поединок.

— Верно.

Кажется, он ждал, что я что-нибудь добавлю к своему лаконичному признанию, но я и не подумала.

— Слушай, а почему ты ничего не сказала? — он не переставал меня разглядывать и, такое ощущение, до сих пор не узнавал. Хотел убедиться в том, что на самом деле не ошибся.

— Зачем?

— Ну, не знаю. Так вроде принято, — усмехнулся он, и я остолбенела.

Не совсем поняла, что именно произошло. Только спустя пару бесконечных мгновений дошло — *так* Радов никогда мне не улыбался. Со всей мощью своего натурального обаяния. Такие улыбки предназначались лишь тем, кого их хозяин считал достойными подобной роскоши.

Открытая, доброжелательная, располагающая к себе любого, кто хоть на каплю чувствительнее полена.

Но следом за сознанием опасности сам собой сработал защитный механизм. Он и не мог не сработать. Я идеально его натренировала.

Не ответила на улыбку. Все мускулы на лице словно судорогой свело от напряжения.

— Ксения, — я вздрогнула и перевела глаза на подошедшего к столу Карташова, который, невзирая на всю свою аккуратную интеллигентность, безнадёжно блек и терялся на фоне столичного гостя. — Можно тебя на минутку?

Я выскочила из-за стола, бесконечно радуясь, что необходимость отвечать Радову сама собой отпала. Потому что я не знала, что отвечать. А до того, чтобы вцепиться ему в глаза дикой кошкой, пока себя не накрутила.

— Максим Юрьевич, препоручаю вас на несколько минут заботам Натальи. Она угостит вас вкуснейшим кофе, пока мы решаем организационные вопросы. Буквально пару минут.

— Не беспокойтесь, — Радов обернулся и что-то сказал своему помощнику. — Кофе с удовольствием выпью.

Наталья, сияя, выпорхнула из-за стола и летящей походкой направилась исполнять поручение.

Я последовала за Карташовым в его кабинет, где он до того огорошил меня своим поручением, что мне пришлось переспросить.

— Сергей Николаевич, я вас правильно поняла?.. У меня ещё отчёты...

— Брось ты эти отчёты! — махнул рукой Карташов. — Поезжай. Сопроводи. Проконтролируй. Проинструктируй. Ты же заселяла в прошлом году делегацию из Тюмени. С персоналом знакома.

Внутри меня всё начинало закипать от негодования.

— Да господи ты боже мой, с чего это мы должны с ним нянчиться?

— С того, что это потенциально перспективное сотрудничество. И город не должен ударить в грязь лицом.

— Перед кем? — опешила я и ткнула пальцем в сторону закрытой двери. — Перед ним-то? Да он сам из этого города родом!

— Я уже в курсе, — внезапно улыбнулся мэр. — Мы это с ним во время разговора нашего выяснили. Ксения, тем более! Вы с ним знакомы. Это же отлично.

— Ничего это не отлично, — замотала головой я, набрала в лёгкие побольше воздуха, но внезапно осеклась.

В последнее мгновение будто кто-то невидимый одёрнул меня, посоветовав притормозить, мол, осади-ка, Стешина. Ты же понимаешь, что большому миру до твоих личных трагедий особого дела нет? Масштабы не путай. Забыла, где работаешь?

— погоди, что тебя так расстроило? Ксения, что не так с этим Радовым?

А у меня ощущение было такое, будто я затормозила за сантиметр от падения с отвесной скалы.

Разве я знала, как ведёт дела взрослый Радов? Какой он бизнесмен? Что у него за планы? Какое отношение его профессиональная деятельность имела к тому хамоватому школьнику, из которого он давно вырос?

Не самое ли время засунуть свои обидки поглубже и вспомнить о профессионализме?

— Извините, Сергей Николаевич, — я прочистила горло, сцепила пальцы в замок. — Ничего с этим Радовым не так. Я его почти и не знаю. В смысле, да, мы учились вместе, но с тех пор уйма времени прошла. Я его сто лет не видела. Понятия не имею, что он сейчас за человек.

— Человек он деловой, — успокоил меня Карташов. — Судя по общению, толковый. Серьёзный. С опытом. С большими планами. Есть шанс на плодотворное сотрудничество с его компанией.

Нет, такого Радова я точно не знала. Приходилось верить на слово начальству.

Поэтому оставалось только вздохнуть, собрать остатки воли в кулак и на время отступить для перегруппировки:

— Хорошо. Говорите, что конкретно от меня требуется.

Глава 6

Как он мог её не узнать?..

Заметить-то заметил. Но это и неудивительно — красивых женщин только слепой не замечает, но...

Она ведь не могла *настолько* измениться. Ну, без вмешательства светил пластической хирургии, конечно, но во-первых, в их крохотном городишке такой экзотики сроду не водилось, а во-вторых, она выглядела совершенно естественно, просто... по-другому.

О Стешиной из начальных классов у него остались смутные воспоминания. Слишком бурной, слишком богатой на домашние и уличные разборки была его школьная жизнь — всё как-то смазалось со временем. Смурная пухлая девчонка со смешными рыжими кудряшками.

Он время от времени её дразнил и задира. Но он многих по тем временам задира. Пытался справиться с ненавистью, копившейся из-за домашних — не просыхавшего отца, колотившего мать и его заодно. Да и дворовых разборок хватало. Короче, полный набор.

Зато он помнил Стешину из одиннадцатого класса — медово рыжие волосы волной, постройневшую, но какую-то тихую, едва не забитую.

Помнил ещё кое-что... кое-что, что успешно забыл и о чём не вспоминал все эти годы. Пожалуй, лучше и сейчас не

вспоминать. Было и было. Разве подобное для школьников не нормально — злиться на тех, кто тебя полностью игнорирует? Злиться, а по ночам мечтать, чтобы злиться не приходилось?..

Но боже мой, всё это было лет сто назад, не меньше. Давным-давно позабылось. И вот ей богу, не вспомнилось бы, если бы не слова мэра...

Нет, серьёзно, Стешина... надо же, как люди могут меняться...

Он ещё пребывал под большим впечатлением от своих совершенно неожиданных открытий, попивая кофе и вполуха слушая щебет второй секретарши — брюнетки с шикарными ногами — когда двери кабинета открылись и показался Карташов в сопровождении Стешиной.

— Ксения поможет вам заселиться и проследит, чтобы всё прошло без накладок. Не возражаете?

Макс отставил кружку, поднялся и запахнул свой пиджак.

— Нисколько.

И ни на гран не покривил против истины.

Впрочем, его бывшая одноклассница вела себя чуточку странно. Возможно, даже не чуточку. Почти совершенно не шла на контакт.

Макс не привык чувствовать подобную растерянность. Поначалу вообще не знал, как подступиться.

Расслабился за последние годы. Слишком привык, что усилия прикладывать не приходилось. Одной улыбки обыч-

но хватало, чтобы растопить даже самую стойкую снежную королеву.

Но, кажется, тут он столкнулся с феноменом.

Голова по-прежнему была забита деловым вопросами. Назвав своему водителю адрес и усадив молчаливую помощницу напротив себя в обтянутом бежевой кожей салоне, он накидал Илье список вопросов по итогам совещания, и помощник, вытащив ноутбук, тут же пропал, углубившись в работу.

— И часто тебе приходится такие поручения исполнять?

Она взглянула на него так, будто он не светскую беседу с ней пытался завести, а под юбку полез. Да что с ней такое? Неужели за все эти годы пропасть между Москвой и периферией настолько расширилась, что по обе её стороны теперь живут люди с совершенно иным кодом поведения?

— Нет, слава богу, — произнесла она таким тоном, который исключал всякую возможность продолжения диалога.

— Что за отель? — как ни в чём не бывало продолжил Макс. Её холодность рождала в нём странное желание попытаться пробиться через эту ледяную стену.

Зачем? Ну вот такой у него соревновательный характер. Только так он сам и мог себе это объяснить, пока не оставлял попыток разглядеть в этой гневной красавице свою бывшую одноклассницу.

— А вы много отелей здесь помните? Вы же сами адрес назвали.

Вы.

Серьёзно?..

— Ну, я в центр нас везти попросил. Там же все главные здания кучкуются. Просто думал, с тех пор что-нибудь ещё построили. Значит, «Победа»?

— Значит, «Победа», — заключила она и отвернулась к окну.

Интрига нарастала.

В фойе их встретила полусонная администратор, которая, впрочем, оперативно растормозилась, когда выяснилось, что в отель въезжает важная столичная персона. Стешина, вся из себя деловая колбаса, перечислила список требований к номерам, вызвалась осмотреть комнаты и вообще вела себя как строгая мать.

Персонал отеля семенил за ней следом, боясь и слово переёк сказать. А она — олицетворение собранности и внимательности — провела самую настоящую ревизию. От этих зелёных, по-лисьи прищуренных глаз ни одна пылинка не укрылась. Теперь понятно, почему мэр отослал с ними именно её.

Профессионал своего дела.

Внимательная к мелочам, исполнительная и дотошная.

Поэтому за свой комфорт он мог не опасаться.

— Спасибо, — он велел Илье располагаться в смежном номере, а сам вызвался проводить её до лифта, хоть она и протестовала.

— Не за что.

Они стояли на пяточке, дожидаясь, пока на табло сверху высветится номер их этажа. Он засунул руки в карманы брюк, она судорожно сжимала ручку висевшей на плече сумки.

— Если появятся какие-нибудь сложности, сообщите. Ваш выезд завтра?

— Простите?..

Она смотрела на него так, будто не спрашивала, а ждала подтверждения, что они выезжают из отеля уже завтра. Интересно с чего это она взяла?

— Вы ведь завтра в Москву возвращаетесь, так?

Всё интереснее и интереснее. Макс покачал головой и внимательно следил за её реакцией, даже нарочно помедлил с ответом.

— Нет. Я подобного не утверждал. Остаюсь на неделю. А там будет видно.

Она бледнела буквально у него на глазах. Он видел, как на изящной переносице вдруг обозначились золотистые веснушки.

— Как... на неделю?

— Не совсем понимаю, почему это важно, — усмехнулся он и приподнял брови. — Завтра отель закрывается? Карантин? Ремонт? Снос?

Лифт тренькнул, створки разъехались. И он подавил в себе неожиданное идиотское желание ухватить её за руку и дождаться ответа.

Её враждебность — порядком не высказанная, но сквозившая в каждом слове, каждом жесте, начинала сбивать с толку. Будь у него больше времени и, если уж начистоту, энергии, он бы так просто от неё не отцепился. Но почти двое суток на ногах давали о себе знать.

Стешина влетела в лифт, вдавила кнопку и успела буркнуть «до свидания», прежде чем двери за ней закрылись.

Макс постоял в коридоре, пялясь в отделанную декоративной штукатуркой стену. Достал телефон и принялся листать список контактов.

Кажется, в его списке дел только что появился новый пункт — по возможности разгадать эту дикую загадку под названием «Ксения Стешина».

Глава 7

— Мужики-и-и-к! — Артур поднялся из-за стола и пошагал к нему по проходу мимо столиков на ресторанной террасе, сграбастал в свои медвежьи объятия.

Макс ответил взаимностью — со своим школьным товарищем он не виделся года два, с тех самых пор как тот приезжал к нему в Москву погостить.

И вроде бы даже с тех пор регулярно созванивались, а всё равно будто сто лет прошло.

— Ты, что ли, на стероидах сидишь? Гляди, как раскачался, — друг отстранился и окинул его завистливым взглядом.

— Не прибежняйся, а? — Макс хлопнул Артура по мощному плечу. — Можно подумать, сам железо не тягаешь.

— Ну так, балуюсь, — не стал отпираться Артур и повёл его к столику. — Моя ворчит, что из дому пойдёт, если пивное пузо себе отращу. Вот видишь, из страха в зал как на работу бегаяю. А твоя, что, тоже требует?

— Моя? — Макс опустился в удобное плетёное кресло, не без удовольствия отметив, что вид отсюда на реку открывается замечательный.

— Ну, невеста твоя. Вика. Только не говори, что вы разбежались.

Макс покачал головой, с удивлением обнаружив, что не слишком-то хочет развивать эту тему.

— Я так и думал, — хохотнул Артур. — От дочки Фомина просто так не убежишь, да? Или лучше сказать, от самого Фомина?

— Тормози, шутник, — с нарочитой угрозой в голосе отозвался Макс. Всё-то схватывает на лету, экстрасенс хренов. Он ещё и рта порядком раскрыть не успел, а этот уже за пазуху ему заглядывает. — Всё по порядку, окей?

— Окей, — хмыкнул Артур, поднял руки ладонями вверх, мол, сдаюсь, и тут же сделал молчаливый жест официанту. — Значит, начнём с обеда.

В «Набережной» было почти пусто, и неудивительно. Ресторанчик — не каждому по карману. Одно из так называемых элитных заведений в их городке. Цены соответствующие, но и сервис качеством радовал. На этом месте когда-то стоял кафетерий «Снежинка» — замечательное место, где продавали вкусное кофейное мороженое. Он до сих пор вкус его помнил, будто из совершенно другой жизни.

На исходе лихих 90-х они, сопливые пацаны, сдавали стеклянную тару, чтобы наскрести на мороженое и потом побыстрее заточить его во дворах, пока кто-нибудь из старших, тоже вечно полуголодных мальчишек на него не позарился.

— Нам ваше фирменное, — распорядился Артур. — Пить что-нибудь будем?

— Поедим сначала, — Макс взглянул на загоревшийся экран телефона, прочёл входящее от Ильи.

Не срочное. Дела подождут.

— Ладно, колись давай. Нагрянул без предупреждения. Небось даже к матери ещё не заглядывал. Ты вообще чё приехал-то? На отцовскую могилку плюнуть?

Макс невесело усмехнулся, покачал головой:

— Да ладно тебе жестить-то.

— А я на твоём месте плюнул бы, — синие глаза Артура сверкнули. — После всего, что ты от него натерпелся.

— Проехали. Серьёзно. Я уже давно об этом не вспоминаю.

Врал, конечно. Да весь его приезд сюда, вся его затея — один большой плевок на могилу отца, но ни к чему сейчас об этом. Потому что дело не в мести, дело в исполнении своего обещания.

И каким бы бедовым Макс Радов не рос, никто не смог бы обвинить его в том, что он не держал своего слова.

— Что-то ты, Макс, ваще на себя не похож. Откуда столько спокойствия?

— Я по делам приехал. Свои старые раны я давно зализал, — улыбнулся он. — Ты лучше скажи, как твой бизнес. Как дела у фирмы?

— Да ты знаешь, вполне ничего. Даже сказал бы, что получше. Умудрился вот в одну федеральную программу влезть по развитию строительства в регионах. Пока не знаю, что там получится, но чую перспективу.

— Отлично, — такое начало разговора определённо радовало.

Поэтому ближайшие часа полтора Макс не без энтузиазма обрисовывал ему свою инициативу. Артур с живейшим интересом слушал, предлагал свои варианты. И по итогу он наконец-то избавился от ощущения, что затевал сплошь авантюру.

Их обед почти остыл, когда они наконец-то спохватились и таки воздали должное здешним блюдам — готовили в «Набережной», к слову, отменно.

— Серьёзно? Ты сомневался? — Артур отодвинул тарелку, потянулся за салфеткой. — Да я тебе ещё в Москве говорил, что идея отличная. В смысле, даже вот с гуманитарной точки зрения. Тем более что никто с капиталом поменьше за такое не возьмётся. Финансов тупо не хватит. А у тебя ещё и, ну, мотивация... Кстати, Фомин как на всё это смотрит? Как смотрит на то, что ты свой проект с его планами здесь увязал?

— Ничего против не имеет, — пожал плечами Макс, откинулся на спинку кресла, перекатив в уголок рта мятную зубочистку. — Но вообще-то без разницы. Я давно на своих ногах стою. Мне его одобрение не требуется.

— Но? — прозорливо дополнил Артур, и Макс усмехнулся.

— Но в вопросах муниципальной собственности может понадобиться помощь правительственных структур. И одного согласия мэрии недостаточно.

— И Фомин... — догадался Артур, замолчав, когда Макс

кивнул.

— Да, он окажет содействие, если не передумает и не посчитает, что моя инициатива для его проекта станет балластом.

Артур понимающе кивнул, до поры оставив невысказанное невысказанным.

— Ну, понадеемся, нашему мэру твой проект приглянется.

— Я с ним его уже обсудил. Назначил новую встречу.

— Красава, — расплылся в улыбке Артур. — Там же, в мэрии, кстати, Ксюха работает, знал? Помощницей у Карташова.

Точно. Он ведь спросить собирался. Странно, что за всё время беседы с другом, сколько бы раз в памяти ни всплывали злующие зелёные глаза, он почему-то временил, откладывал свои вопросы. Будто знал, что ответы Артура ему не понравятся.

— Слушай, точно, — притворился он, будто только сейчас сообразил, о ком идёт речь. — Стешина.

— Ага, — кивнул Артур, и его улыбка стала ещё шире. — Видал, как расцвела? Я её давненько не видел, а потом как-то встретил в нашем ТЦ на Советской. Сначала вообще не признал. Честно скажу, охренел.

Ему вдруг стало до странности неуютно от этих слов. С чего вдруг? Тем более что Артур говорил чистую правду.

— Аналогично. Я её тоже не узнал. Только потом сообра-

зил, да и то не без помощи. Я только... я понять не могу... короче, я сделал вывод, что её наша встреча вот вообще не порадовала.

Артур какое-то время смотрел на друга молча, будто ждал, что Макс всё-таки сам сообразит. Потом выразительно поднял брови и удивлённо рассмеялся:

— Да ладно! Ты чё, не помнишь? Ты не помнишь, как мы её в школе чмырили?

Глава 8

На неделю. Радов остаётся здесь на неделю.

Эта мысль крутилась в моей голове весь остаток рабочего дня, и временами меня накрывало странное чувство, опасно близкое к настоящей панике.

Но это ведь бред. За столько-то лет я должна была, *обязана была* всем этим переболеть, отпустить и забыть. Я давным-давно взрослый человек. И меня коробило от одной только мысли, что внутри меня продолжала сидеть та забитая пухлая школьница, вслед которой неслись шепотки и насмешки.

И что ещё хуже... я оставалась ещё и той самой старшеклассницей, которая на выпускном позволила себе позорнейшую, непростительную ошибку. Ошибку, от одного воспоминания о которой меня столько лет подряд с неугасающей силой съедал жутчайший стыд.

А в ушах, как и десять лет, назад со страшной отчётливостью звучало хриплое: «Рыжая недотрога».

Трясаясь в забитом людьми автобусе по пути домой, я боролась с беспощадными воспоминаниями. Они наползали на меня со всех сторон, и было в их настырности что-то хищное, издевательское. Мол, прекрати кривляться, Стешина. Ты-то знаешь *всю* правду. Знаешь, что не такая уж и безгрешная. Что сама себя, считай, предала. Что ещё минут-

ка-другая, и ты потом всю оставшуюся жизнь на себя в зеркало без стыда взглянуть не смогла бы.

Я вылетела из автобуса за две остановки до дома и остаток дороги прошла пешком.

Погружённая в свои невесёлые мысли, отомкнула входную дверь, бросила ключи на полку под зеркалом и даже не сразу сообразила, что из кухни льётся свет.

До меня дошло, что в квартире я не одна, только когда на пороге кухни возникла мама, вытиравшая руки о полотенце, свисавшее с её плеча.

Да за что мне всё это сегодня?

— Мам, а ты чего это?..

Мама пожала плечами и посмотрела на меня с удивлением:

— А что, мне уже нельзя к тебе заглянуть?

— Да нет, дело не в этом, — промямлила я, — просто ты же позавчера заглядывала.

— И что? Я тебе вон, котлет принесла и макарон отварила. А то ты с этими своими овсяными отрубями и авокадами совсем желудок посадишь.

— Это сбалансированное питание, называется, мам. Мы это уже сто раз проходили.

Но она лишь махнула рукой и вернулась на кухню.

— Руки мой и иди ужинать. Я с тобой поговорить хотела. Вот этого я и боялась.

Её визиты ко мне на другой конец города и наши с ней

разговоры сводились к одному — её отчаянным попыткам устроить мою личную жизнь, будто я давным-давно перекочевала в разряд безнадёжных старых дев без шанса обрести личное счастье самостоятельно.

— Как дела на работе? — она терпеливо дождалась, пока я усядусь за стол и придвину к себе тарелку.

— Спасибо за ужин, ма. Правда. На работе всё хорошо.

О московском госте рассказывать я не собиралась. Да это и смысла не имело — моя мать оставалась в полнейшем неведении относительно моих подростковых трагедий.

Все одиннадцать лет моей школьной жизни она была занята тем, что уходила и возвращалась к моему отцу — то «негодяю, скотине и кобелю», то человеку, без которого она «жить не может». А вот такой гиперопекой заболела относительно недавно, когда я устроилась на работу в мэрию и съехала от неё на другой конец города, чтобы подарить себе хоть какое-то ощущение собственного угла.

Но и тут это получалось у меня лишь частично.

Все прошлые годы мама была погружена в свою личную жизнь так, будто я в эту личную жизнь и не входила. Сейчас она пыталась принимать активное участие в моей. Едва ли не более активное, чем я сама.

— Ну и прекрасно. Хорошо. Я сегодня Татьяну видела. Смирнову. Помнишь?

Я опустила вилку на край тарелки и покачала головой:

— Мам, нет, нет. Давай не начинать.

— Да что я сказала-то?

— Пока ничего. Но если ты мне опять про её Костика затянешь, я тебе прямо сейчас такси вызову.

Мама поджала губы, нервно заправила за ухо русую чуть завитую прядь.

— Разве с матерью так разговаривают?

— Разговаривают, если она записывается в неутомимые свахи безо всякого на то моего согласия.

— Чаю налью, — мама встала из-за стола, схватила за электрический чайник, повертела его в руках. — Ты помнишь, что его время от времени кипятить, вообще-то, надо бы?

— А ты видишь внутри него накипь? — парировала я, сунув в рот кусок котлеты.

Она одарила меня тяжёлым взглядом, но всё-таки заглянула внутрь, скривилась и ничего больше не сказав, направилась к фильтру добрать в чайник воды.

Обиделась.

Этот день продолжал осыпая меня приятностями, как из рога изобилия...

— Я вообще-то не про Костю тебе рассказать хотела, — она вдавила палец в кнопку, на чайнике сработала подсветка.

— А про кого?

И так ведь понятно, что речь не о смене темы, а лишь об имени очередного потенциального спутника жизни.

— Вообще-то к Радовой сегодня сын из Москвы приехал.

Вечером заезжал навестить.

Вот теперь вилка вывалилась из моей руки самостоятельно-но, звякнула о край тарелки и полетела на пол.

Я чертыхнулась и полезла под стол. По телу пробегали волны невидимого жара.

Да кто там на небесах сговорился, чтобы устроить мне сегодня такую вот пытку?..

— Ма, — я старательно следила, чтобы голос мой не дрожал от эмоций, — ты вообще... ты с чего вообще о нём заговорила? Ты с Радовыми в жизни никаких дел не имела.

— Да ну неправда, Ксюш, — мама упёрла руки в бока. — Вот когда Юрка, муж её, царство ему небесное, жив был, так да, мы не общались. Он же буйный был, страх. Ну ты разве не помнишь?

Я нахмурилась:

— Да так... смутно. Никогда я их жизнью не интересовалась.

— Ну вот я тебе говорю. Он же зверюга был ещё тот. Ну вот. А так-то мы часто пересекаемся. В один салон ходим — и на стрижку, и на ногти. Ну ты же с их Максимом в одном классе училась.

Я елозила взглядом по остаткам еды на своей тарелке.

— Училась. Ма, давай, чтобы не ссориться, не будем поднимать эту тему. Ни сейчас, ни в будущем. Я с этим Максимом, слава богу, никак больше не связана. И уж точно связываться не планирую.

Знала бы я тогда, с какой жестокостью завтрашний день опровергнет моё смелое заявление...

Глава 9

Весь остаток дня и даже во время визита домой к матери, по которой Макс жутко соскучился и которую не видел с прошлого лета, из головы у него не шёл разговор с Артуром.

— Да ладно! Ты разве не помнишь, как мы её в школе чмырили?

Пусть в памяти не особенно много и отложилось, благодаря рассказу школьного друга он живо припомнил все их юношеские «подвиги». Вспоминал и невольно кривился от этих воспоминаний. Да уж, говнюком он всё-таки был порядочным.

— ...ещё скажи, всего этого не помнишь!

— Да так, смутно... — почти не покривил душой он.

— Ну ты даёшь... я её потом после выпускного несколько лет не видел. Городок крохотный, а как-то не пересекались. Но потом она местный наш универ закончила, ещё курсы какие-то и умудрилась устроиться в мэрию. Ну и я как-то по делам туда забегал — тогда и увиделись. Короче, извинялся перед ней, конечно. Ну, типа, за нас двоих. Там, дураки были малолетние, и всё такое.

— Видимо, и мне стоило, — Макс уставился на речную гладь.

Теперь-то понятно, почему она пыталась взглядом в нём дыру прожечь.

— Ну, у тебя тогда в жизни ещё тот адок творился, — проворчал Артур. — А вот меня ничего не извиняло. Мы ж особенно жестили, когда... ну, помнишь, это ж после Графа было.

— Да, — в горле запершило. Даже после всех этих лет...

— Ну вот. Я не говорю, что это прямо вообще извиняет. Но я-то в курсе, через что ты прошёл. А из класса-то обо всём этом, кажется, никто и не знал.

Макс мотнул головой. Об этом только Артур знал и Сашка, с которым они потом в пух и прах разругались.

Артур ещё что-то вещал о бушевавших гормонах, юношеском максимализме и прочих вещах, долженствовавших, по его мнению, как-то притушить тот неприятный факт, что росли они отъявленным хулиганьём. Да таким, что отдельные жертвы их издевательств до сих пор об этих выходках помнили и выходки эти им не простили.

Вот только что касалось Стешиной... выходками дело не ограничивалось. Было ещё кое-что. Кое-что, о чём ни Артур, ни кто-либо другой, кроме них двоих, не знал и знать не мог.

Но на долгие годы произошедшее потеряло всякое значение. Он покинул малую родину и понятия не имел, вернётся ли сюда когда-нибудь.

И она. Что она здесь забыла? Что её здесь держало? Или кто? Почему не уехала? С её-то данными... странно прозябать здесь, посреди великого ничто.

Но надо же как он всё-таки справился со своей главной задачей. Сумел всё позабыть. Старые школьные воспоминания основательно смазались в его памяти, прилежно забытые в самый тёмный угол годами тяжкого труда на своего опекуна с перерывами на короткий отдых, когда ему это позволялось.

Универ, бесконечные стажировки, повышение квалификации, первые деловые поездки, клубы и вечеринки, активный отдых. Его так закрутила и настолько перезагрузила новая жизнь, что о старой он всеми силами не вспоминал. Очень старался. Тем более что трудное полуголодное детство — не те воспоминания, за которые будешь цепляться во что бы то ни стало.

И так уж вышло, что вместе с ними ушли из памяти и школьные годы.

Впрочем, врать он себе не стал бы — старшие классы и выпускной всё-таки помнил.

Другое дело, что красавицу-секретаршу из мэрии с ними никак не связал...

От матери он вернулся поздно. На ночь оставаться не стал — не хотел стеснять её быт, который она с недавних пор делила со своим сожителем Анатолием Марковичем. Нормальный по виду мужик. Впрочем, после его-то отца и распоследний мудака мог показаться нормальным.

Пообещал навещать как можно чаще, а из гостиницы всё же легче было вести дела, кататься в мэрию, прочие инстанции, местный тренажёрный зал и бассейн. Помощник, опять

же, под боком. Дома легче было расхолодиться и наесть бока на домашних-то харчах.

Нет, стоило держать себя в форме во всех смыслах.

Из задумчивости Макса вырвал видеозвонок. Он потянулся в кресле, достал телефон — на экране появилось лицо миловидной брюнетки.

— Привет.

— Привет, — Вика разглядывала его с такой внимательностью, будто пыталась по его лицу прочитать, как он провёл свой первый день на малой родине. — Ты как? Все дела переделал?

— Представь себе. Сумасшедший день. Сначала встретился с мэром, потом с другом, потом, что самое важное, с матерью. Вот только вернулся.

А ещё сделал невероятное открытие об одной своей однокласснице. Но эту информацию он оставил при себе.

— Насыщенный день, — усмехнулась она. — Отец говорил, ты ему коротко отписался. Как будто не сильно доволен, что ты на полноценный звонок не сподобился. Я тебе не нужна, чтобы как-нибудь его переубедить?

Макс усмехнулся:

— Сам разберусь.

— А ещё для чего-нибудь не нужна? — и она игриво поддела пальцем бретельку своего малинового топа.

— Тормози, — рассмеялся он. — Я ещё планировал поработать. Рановато рукоблудничать, не находишь?

Она показала ему язык.

— Не знаешь, от чего отказываешься.

Да знал он. Может, потому и отказывался. Знал, что Вика сходила с ума по нему физически, но в душе... он для неё оставался дворовым мальчишкой, которого её отец по старой дружбе с его отцом вытащил из глубинки, перевёз в Москву, приютил. А она для него оставалась избалованной стервочкой, которая не собиралась усмирять своё эго. Может быть, ради кого-нибудь и когда-нибудь, но точно не ради него.

И он за это на неё даже не обижался, что о многом, наверное, говорило.

Если уж на то пошло, им давно бы уже стоило разбежаться, но Фомин почему-то уверовал, что они отличная пара, и всячески поощрял их союз.

Макс подозревал, что отец планировал завещать всё дочери, когда таки уйдёт на покой, но в делах полагался исключительно на своего воспитанника. Своё многомиллиардное состояние пожилой магнат не оставит никому из них по отдельности, а вот паре...

Когда Артур спросил, как ему работается с Фоминым, Макс сказал, что отлично.

В целом душой-то не кривил, просто копать глубже не стал бы. Не стал бы признаваться, что ему хотелось свободы. Что эта потребность отплатить опекуну за всё, начинала его тяготить. По разным причинам. Потому что уже много лет считал себя обязанным. Потому что всё чаще давал о се-

бе знать страх не дотянуть до завышенных ожиданий, разочаровать. А ещё Вика. Да. Ещё Вика. С ней тоже всё было очень непросто.

Пора было завершать очередную главу в своей книге жизни. Переворачивать страницу с такой же готовностью, с какой он перевернул её, согласившись уехать вместе с Фоминым в Москву.

Этим он в ближайшее время и собирался заняться. Ради этого и получал второе образование, невзирая на косые взгляды своего второго отца.

И оставалось только надеяться, что всё это сделать получится.

Он попрощался с Викой, пожелал ей спокойной ночи, с чистым сердцем отключился. И очень вовремя.

Телефон снова звякнул.

Илья. Прислал всё, что он просил.

Негусто.

Всего пара ссылок.

Какая она нелюдима.

Первая ссылка вела на страницу «Вконтакте».

Ну, Расскажи мне, чем ты живёшь, Ксения Стешина.

Рыжая недотрога.

Глава 10

Я торчала в кабинете Карташова и мастерски делала вид, что не паникую. За окном пели птицы — весна с каждым днём все увереннее вступала в свои права. На голых ветвях зеленели первые несмелые листочки, солнце грело уже по-настоящему.

Но ничему этому по-настоящему радоваться я пока не могла. И сама силе своего раздражения удивлялась. Да как же так-то? Как же я не сумела своих обид перерасти?

Взрослый, по-настоящему взрослый человек умеет прощать. А я, получается, до сих пор до такой взрослости не доросла.

За последние сутки я начинала этот внутренний монолог уже в тысячный раз и в тысячный раз на попытку уговорить себя оставить прошлое позади память мстительно подсовывала мне самые ненавистные, самые постыдные воспоминания.

И я не могла. Просто не могла заставить себя всё отпустить.

У меня сердце болело за ту несчастную, забитую школьницу, какой я росла.

Ведь если я сама отпущу её обидчику все грехи, что кто же тогда вообще за неё заступится?

— ...чтобы они потом меня набрали, но только после обе-

да. Ксения, ты... может, записала бы это? Или запомнишь?

Последние слова начальства вовремя напомнили мне, где я вообще нахожусь. И это заставило меня возненавидеть Радова с новой силой. Он и сейчас умудрялся мне вредить. Размышляю чёрт знает о чём прямо посреди импровизированной планёрки. Дожила.

— Простите, Сергей Николаевич. Секунду, — я распахнула блокнот и, наливаясь краской, подняла на него глаза. — Это же насчёт вывоза ТБО? Насчёт жалоб?

— Насчёт спорткомплекса, — поправил меня Карташов и ободряюще улыбнулся. — Новое оборудование должны подвезти. И я хотел переговорить со Смирновым из отдела культуры и спорта.

Я уткнулась в блокнот, ругая себя на чём свет стоит.

— Смирнов. Точно. Извините, Сергей Николаевич. Конечно. Сейчас же его предупрежу.

— Да не переживай ты так. Утро. Я сам ещё не до конца проснулся.

Его попытки меня оправдать лишь усугубляли ситуацию. Я никак в толк взять не могла, почему он так снисходителен к моим промашкам. Вот я бы так не церемонилась.

— А ещё пометь на 15:00 встречу с Михайловым. Нужно будет обсудить проект нашего столичного гостя.

Его слова тут же заставили меня насторожиться. Без толку все эти душеспасительные внутренние беседы.

— Всё настолько... перспективно? — я старалась скрыть

свою исключительную заинтересованность судьбой этой конкретной договорённости.

Карташов, впрочем, не собирался делать из этого предмета тайну.

— Вся эта затея выглядит заманчиво. Радов и его партнёр планируют тут большую стройку затеять, с привлечением местной рабочей силы и малого бизнеса. Вот, узнаю мнение наших бизнесменов, уровень их заинтересованности.

Я опасалась лезть с дальнейшими расспросами. Не принято это — лезть в дела, которые за пределами твоей компетенции. Да и неинтересно мне, зачем Радов сюда приехал. Ясно же, что планируют тут с партнёром кусок земли оттяпать, чтобы какой-то бизнес закрутить и ещё больше денег заработать, будто всё мало. По нему же и так видно, что не бедствует.

Мне интересно, как вся эта чехарда с «перспективным проектом» скажется на его пребывании в городе и частоте мелькании в мэрии.

— И что... бизнесмены? Заинтересованы?

Карташов покивал, уставившись в одну точку, мол, представь себе, да.

— Инициатива, как бы это сказать, многоступенчатая. Торговый комплекс, развлекательные сектора и даже, скажем так, социальный объект.

Боже ты мой, меценат и филантроп. Ну кто бы мог подумать?

Очевидно, весь скептицизм, который я испытывала к озвученному, так явственно проступил на моём лице, что Карташов рассмеялся.

— Да бросьте, Ксения, по общению он совсем не похож на хищную бизнес-акулу.

— А в бизнесе разве кто-то, кроме акул, вообще выживает? — я не стала дожидаться, пока он ответит на мой, в общем-то, риторический вопрос. — И когда этот во всех отношениях приятный человек возвращается в Москву?

Я просто не могла больше терпеть и ходить вокруг да около. Мне требовалось знать, когда я наконец смогу вздохнуть спокойно без опаски каждый божий день вновь увидеть его на пороге приёмной и сжиться, наконец, с неприятными выводами о том, с какой лёгкостью визит этого «призрака прошлого» выбил меня из колеи.

— Ну, этого я знать точно не могу. Не обсуждали мы этот вопрос, — пожал плечами Карташов. — Но если судить по плану предстоящих работ, с учётом, конечно, что мы возмёмся-таки сотрудничать... полагаю, на пару месяцев он тут точно задержится.

— Месяцев? — едва слышно отозвалась я.

Сесть. Мне срочно нужно сесть. Иначе я плюхнусь прямо на пол, до того от таких новостей ослабели мои ноги.

— Это по моим, конечно, подсчётам. Но как будет распорядиться своим временем Радов, я не знаю. Такое тебе лучше спросить у него.

Не такого рода было наше знакомство, чтобы светские беседы разводить, но Карташов на этом, видимо, решил внимания не заострять. Такое ощущение, что невзирая на мою явную предвзятость по отношению к бывшему однокласснику, мой начальник посчитал, что это пустое.

И мои предположения подтвердились, когда он вдруг кашлянул и обратился ко мне совсем не деловым тоном с вопросом, который окончательно выбил у меня почву из-под ног:

— Ксения, я... я у вас спросить хотел, вы сегодня вечером свободны?

Глава 12

Сегодня он какого-то чёрта дольше обычного возился со своим гардеробом.

Синий костюм или серый?

Галстук надевать или слишком официально?

Может, стоило побриться? Или и так сойдёт?

Да какого чёрта-то?..

Он так на встречи с иностранными инвесторами не соби-
рался, как сегодня на встречу с мэром захолустного городка.

В итоге эти странные, совершенно бесполезные метания
скверно повлияли на его настроение.

Стоило всё-таки проанализировать странности своего по-
ведения, чтобы потом не задаваться пустыми вопросами.

За завтраком в крошечном, но приличном ресторанчике
на углу Советской, куда они заскочили перед длинным тру-
довым днём, Илья с привычной оперативностью доложил,
что все сегодняшние договорённости в силе, в том числе в
мэрии.

— Связался с их приёмной. Его помощница всё подтвер-
дила.

— Стешина?

— М?

— Помощница, с которой ты говорил, — Макс сделал вид,
что интересоваться подобным было для него в порядке ве-

щей. — Ты говорил со Стешиной?

Илья выглядел откровенно растерянным

— Я... Максим Юрьевич, я не знаю. Не стал уточнять. Это важно?

— Нет, — соврал Макс, сделав большой глоток кофе.

Но его не покидало странное ощущение, что день можно будет считать окончательно неудавшимся, если в приёмной мэра сегодня пересменка.

А не многовато ли странностей за ним стало водиться всего за несколько дней, что он гостит в родных пенатах?

Кажется, сегодня был день неудобных вопросов. Но как минимум частичный ответ на один из них он знал — им со Стешиной стоило бы поговорить. То есть ему стоило бы поговорить с ней. Извиниться или типа того.

Разговор с Артуром до сих пор занозой в нём сидел. Воспоминания были не из приятных, а некоторые «подвиги» из школьной жизни даже сейчас заставляли его снова и снова с брезгливостью морщиться от собственной подростковой дури.

Надо же было поднять с самого дна весь этот мутный осадок...

И самое паршивое, что ему до сих пор с трудом удавалось соотнести объект их насмешек — ту пухлую угрюмую молчунью из его класса — со стройной девчонкой, в которую она выросла за год до выпуска. И уж тем более не получалось свести вместе её и рыжую красотку из приёмной мэра.

— У неё голос красивый... если это о чём-то вам говорит, — отозвался его помощник, и Макс ненадолго оторвался от собственных мыслей. — Такой, знаете, мелодичный. Очень приятный.

Да она с ним почти не говорила, а если и говорила, то цедила слова сквозь зубы, но... ему несложно было вообразить, что голос у неё и правда приятный.

Он вообще-то мог бы и сам её набрать.

Благодаря предусмотрительности Карташова теперь у него был её телефонный номер. Рабочий. Звонить по важным и неотложным делам, разумеется.

Позавчера он внёс его в список контактов. Долго раздумывал, как правильнее подписать.

Хмыкнул, озаглавил и отложил телефон, чтобы не прояснить благоразумие, не передумать.

— Разберёмся, — пообещал он в ответ и заверил помощника, что не считает его неосведомлённость промашкой.

А вот Фомин за такой «косяк» обязательно выговор сделал бы. Его ментор не терпел промашек. Может, поэтому Макс и не выбирал себе в помощники бездушную машину, в которую едва сам не превратился за годы своего ученичества у бизнес-наставника.

Стешина оказалась на месте. И едва взглядом его удостоила. Уже привычно процедила, что его ожидают, с прямой, как палка, спиной прошествовала мимо, отворила дверь ка-

бинета и жестом пригласила войти.

Необходимый минимум интеракции. За всё, что сверх, судя по её виду, он должен был ей приплатить.

Макс прошёл мимо неё в кабинет, заметив, что она вполне приветливо улыбнулась неожиданно расцветшему от такого знака внимания Илье.

Окей. Значит, чтобы загладить все грехи прошлого, простого извинения, видимо, будет мало. Придётся подумать над вариантами.

Переговоры с градоначальником прошли даже лучше, чем он ожидал. Оказывается, с момента их первой встречи Карташов без дела не сидел, успев обговорить перспективы сотрудничества с местными бизнесменами. Да, всё это пока неофициально. Ни о каких публичных заявлениях и уж тем более вовлечении в переговоры остальных представителей местного госаппарата речи не идёт, но это процесс небыстрый. Главное — начало положено.

Будет чем порадовать Фомина, а там, возможно, разговор и о дорожной карте строительства зайдёт.

— Не обещаю, что мы успеем вынести этот вопрос на обсуждение уже в ближайшее время, но пока всё складывается оптимистично. Местные предприниматели проявляют интерес, пусть пока и осторожный. Некоторым не хватает вводной информации по отдельным пунктам.

— Составьте список самых животрепещущих вопросов,

— предложил Макс. — И мы с Валерием Степановичем с удовольствием ответим на все. Один из основных принципов нашего сотрудничества — прозрачность процесса.

— Замечательно, — мэр что-то пометил в своём ежедневнике. — А я вам обещал наши наработки по городскому планированию на ближайшие три года. За них отвечает отдел архитектуры. План на ранних этапах, и ещё есть возможность внести правки. Сами понимаете, новые здания не должны вносить диссонанс в генеральный план застройки...

Макс кивнул, а Карташов нажал на кнопку переговорного: — Ксения, занеси мне, пожалуйста, документы по генплану.

И только сейчас, уже было убаюканный тем, как гладко складывались сегодня дела, Макс отчего-то вдруг насторожился.

Но понял причину своего странного беспокойства, только когда в кабинет вошла Стешина и положила пластиковую папку на стол начальства.

Карташов поднял на неё взгляд... и всё стало понятно. И одновременно — совершенно, категорически непонятно.

Макс переводил взгляд с напряжённого, застывшего лица своей бывшей одноклассницы на просветлевшее, смущённое лицо Карташова.

Ну ничего ж себе...

Ладно. Это как раз то, что было ясно как день. Мэр очень

неровно дышал к своей подчинённой.

А теперь к непонятному. Почему ему вообще есть до этого открытия дело?

Нет, не так.

Почему это открытие показалось ему неприятным?

Глава 13

Я стояла на лестничной площадке между этажами, пялилась в окно, а в телефонной трубке слышался голос Марины. Мы дружили со школы, и она в отличие от остальных прекрасно понимала, какая невесёлая ситуация складывалась из-за приезда Радова «на побывку».

Чего скрывать, это всё и так уже не лучшим образом сказывалось на моих нервах. Когда зазвонил телефон, я три раза прочла её имя, чтобы успокоиться и на все сто убедиться: звонит точно Марина. После заявления Карташова о том, что он вот так запросто одарил Радова моими контактами, теперь при каждом звонке я обливалась потом от перспективы, что мне придётся волей-неволей снова с ним говорить.

Пока что бог миловал.

— Ксюш, да я сама обалдела, когда от Артура слышала. И главное, они друзья ведь лучшие, так Радов и ему ничего о приезде не сообщил. Тоже мне, шифровщик. Ты ещё погоди, как наши о его приезде разнюхают, стихийно встречу выпускников организуют. А то как же, не каждый ведь может похвастаться, что в одном классе с миллиардером учился.

— Марин, не накаркай.

— Молчу, молчу, — подруга вздохнула. — Шутки шутками, но просто имей ввиду. У меня такое ощущение, что наш городок *уже* на ушах стоит. Новости разносятся, как пожар

в сухостое.

Я кивнула, хоть и понимала, что она этого не увидит.

Помолчали.

— Тут тоже дурдом какой-то. Честно сказать, я в недоумении. К нам в приёмную теперь чуть не со всех кабинетов бегают разузнать, кто он такой. Ну ты представляешь? Будто никогда мужика в дорогом костюме не видели.

— Ну дело ж не в костюме, — отозвалась Марина. — Ксюш, ну справедливости и объективности ради...

— Да, я понимаю, — пришлось сделать над собой усилие, чтобы признать очевидное.

— Плюс мы ж как второе Иваново, только раз в пять мельче. Город невест.

Да уж, только почему-то от этого второго названия на меня всегда веяло печалью. Будто невесты в нашей глубокой провинции невестами и оставались. А на любого более или менее видного мужика тут же открывалась охота. Шутить об этом у нас любили, но только, скорее, чтобы скрыть за этими шутками смущение от того, насколько жизненной была ситуация.

— Как, кстати, Артур? — осторожно поинтересовалась я. Из разговора с Мариной уже и так было понятно, что они с Радовым успели повидаться.

— Ага, думаешь, он вот так уж и делится. Молчит как рыба об лёд. Сказал, мол, увиделись, обговорили всякие дела. Насколько я поняла, Макс хочет как-то Артура к своим пла-

нам привлечь.

— Здорово, — без энтузиазма отозвалась я. Шансов на то, что я драматизировала на пустом месте, становилось всё меньше. Видимо, Радов всё-таки задержится тут надолго.

— Слушай... ну, может, он реально что хорошего городу сделает? Артур упоминал вроде, что у него интересный проект, благородные цели...

— Думаешь, не хочет брать родное захолустье нахрапом? — хмыкнула я. — Нежность города берёт? К нам явился миллиардер с золотым сердцем? Не смейся меня. Марин, ты же помнишь, каким он был.

— Ну, Ксюш, люди меняются...

— Нет! В том-то и дело, что нет! — я замолчала, сама себя напугав подобной горячностью. — Извини. Я что-то совсем... что-то совсем расклеилась.

— Мне-то можешь не объяснять, — проворчала подруга. — После всего... неудивительно. Такое не забывается. Особенно, учитывая, что ты... хм... Короче, не извиняйся. Я ведь тоже всё помню. И ты в своём праве. Просто... жаль, что я ничем помочь не могу.

— Уже помогаешь, — печально улыбнулась я. — Вот поговорили, и мне уже чуточку легче.

Я даже умудрилась какое-то время сохранять этот оптимистический настрой, пока шла с работы домой. Решила не лезть в набитый автобус и вместо этого пройтись по вечер-

нему городу. Брела мимо городского парка, пытаюсь надышаться нашей тихой провинциальной весной — по-своему красивой и уютной.

И у меня это даже неплохо получалось — ровно до тех пор, пока со стороны проезжей части со мной не поравнялось роскошное чёрное авто.

Стальная зверюга притормозила и медленно покатилась вровень с моим шагом. Тонированное стекло медленно поползло вниз.

— Добрый вечер.

Я вздрогнула и едва не споткнулась, когда увидела, кто со мной поздоровался.

Да что же мне так не везёт-то?..

— Добрый вечер, — я ускорила шаг в надежде, что стекло вернётся на место, и авто рванёт по шоссе вперёд.

Как бы не так.

— Садись, я тебя подвезу. Ты же по-прежнему на Ленина живёшь? Я помню дорогу.

Ещё б ты не помнил, сволочь такая. Ещё б ты не помнил...

Перед внутренним взором замелькали фрагменты из одного особенно памятного зимнего вечера, и руки сами сжимались в кулаки. А он вот катит рядом на своей шикарной иномарке и делает вид, что ничего этого не было. Уж такой весь из себя добряк, решил подбросить бывшую одноклассницу до дома.

У-у-у-у, ненавижу!

— Не нужно меня никуда подвозить. Я там давно не живу. Езжайте по своим делам, пожалуйста.

Да, так он и послушался.

— А может, бросим друг другу выкать? Это как-то... глупо.

— Предпочитаю не сокращать дистанцию.

— И ты со всеми своими одноклассниками эту дистанцию держишь? С Артуром, например, тоже на вы?

Артур, в отличие от тебя, тысячу раз извинился за свои выходки. Но я не стала этого говорить. Остановилась, повернулась к нему и прямо спросила:

— Что вам от меня нужно?

Его левая рука с мягко блестящими на запястье часами лежала на руле, второй он опирался на пассажирское сиденье. Смотрел на меня вполне дружелюбно. И меня от этого взгляда откровенно корбило.

— Я вообще-то извиниться хотел. Знаю, что в школе мы не особенно ладили.

Не особенно ладили? Да он издевается...

Издевался тогда, издевается прямо сейчас.

Я прищурилась и не сумела сдержаться:

— А с чего это вам вдруг приспичило извиняться? Это потому что я у мэра в помощниках? Переживаете, как бы ваше хулиганское прошлое вашим нынешним делам не навредило?

Он совершенно не ожидал подобного. Густые чёрные бро-

ви взлетели вверх, и я вдруг снова слышала того самого Радова:

— Стешина, ты ошалела, что ли? Я извиниться хотел. Безо всяких задних мыслей. Да плевать мне, чья ты помощница.

Ну вот, а я-то ещё чуть-чуть и начала бы верить Марине, уверявшей, что люди умеют меняться.

— Оставьте ваши извинения при себе. Потому что мне тоже плевать.

И я избавила себя от его ответа, свернув вправо, в дверь первого подвернувшегося на пути магазина и вышла оттуда, только когда чёрное авто, повременив, таки рвануло вперёд и скрылось из вида.

Но обрадоваться я не успела. В кармане завибрировал телефон.

Я вынула его, ткнула в экран. На полоске уведомления высветилась короткая строчка сообщения:

«Не надейся. Наш разговор ещё не окончен».

Глава 11

Всегда бесконечно завидовала людям с хорошей реакцией. Тем, кого сложно заставить врасплох. Кто моментально реагирует на ситуацию, умудряется в секунды оценить обстановку, всё просчитать и среагировать с максимальной пользой для всех, ну и или для себя как минимум.

У меня никогда так не получалось.

Хуже того. До меня иногда ещё и не сразу доходило понимание истинного положения дел.

Поэтому на вопрос начальства о том, свободна ли я этим вечером, я, не задумываясь, ляпнула, что да, свободна.

И только потом в моей голове забрезжили первые отблески понимания. Но было поздно, потому что Карташова мои слова ощутимо воодушевили.

— Тогда... давайте я вас до дома подкину. Мне всё равно в вашу сторону ехать.

Враньё. Не могло у него быть никаких дел в такое время суток в спальных кварталах на самом отшибе города. Я сама его рабочие расписания составляла.

— Э-э-э... ну...

Пока я тянула с ответом, в моей голове мелькали обрывки неприятных разговоров с матерью, страшные картины моего увольнения...

Господи, я ведь не могу позволить себе лишиться этого

места! Работа в мэрии — это хоть какой-то шанс устроиться, получать пусть небольшие деньги, зато стабильно.

— ...хорошо, — промямлила я наконец, пока остатки страшных видений таяли в моей голове.

В конце концов это же вообще ничего не значит. Ну, захотел доброе дело сделать. Это же совершенно не означает...

— Хотите, можем выйти по пути и по набережной прогуляться.

Я вздрогнула и округлила глаза.

— Зачем?

На интеллигентном лице Карташова заиграла осторожная улыбка:

— Полюбоваться закатом.

На набережной? У всех на виду? Да что с ним такое сегодня? Что вообще происходит?!

— Да это... это необязательно. Спасибо, конечно, Сергей Николаевич, но...

— Я понял, я понял, — Карташов кивнул и заелозил руками по столу, перебирая бумаги.

Мне стало жутко неудобно за себя, за него, за всю эту обстановку. Я извинилась и выскочила из кабинета, как ошпаренная... чтобы тут же попасть в сети Кораблёвой.

Коллега вцепилась в меня, а я настолько опешила от всего услышанного, что не смогла удержать язык за зубами.

Наталья слушала меня с открытым ртом, и стоило мне завершить свой короткий рассказ, в полнейшем молчании воз-

дела руки к небесам, за которые сошёл потолок приёмной.

— Стешина, не смей профукать этот шанс! — зашипела она на меня, с опаской косясь на закрытые двери мэрского кабинета.

— Наташ, ты сдурела? — зашипела я в ответ. — Какой ещё шанс?

— Да такой! — красиво подведённые глаза Кораблёвой горели. — Я тебе давно говорила, что он к тебе неровно дышит. Давно! А ты не верила. Вот теперь видишь?

— Да он просто...

— Да хватит дурить-то! — оборвала она меня. — Ну не прикидывайся, что ничего не понимаешь, а? Хватайся за этот шанс и используй его по полной. Легально разведён, при статусе, приятной наружности. Чё тебе ещё надо-то?

И я пыталась сообразить, а чего мне действительно ещё надо-то, когда мы неловко молчали в комфортабельном салоне его авто. Шофёра он отпустил и сам сел за руль.

Ощущения, что я нахожусь бок о бок с мужчиной «при статусе», не было. Кажется, Карташов робел даже сильнее, чем я. И, честно сказать, его нервозность лишь усиливала мою и вообще порядком выматывала.

Но к чему жаловаться? Я ведь сама на всё это согласилась. Меньшее, что я могла сделать, это хоть как-то разрядить обстановку.

— Как прошли ваши переговоры?

— А? — мой собеседник так и встрепенулся, будто совсем

не ожидал, что я нарушу молчание. — Вы про Михайлова?

Я кивнула, уставившись на дорогу.

— Хорошо. Даже более чем.

Такой ответ меня совсем не порадовал.

— Мы сегодня обговорили с Радовым кое-какие детали по телефону. У местного бизнеса, конечно, возникают определённые опасения всякий раз, когда на поле заходят крупные игроки, особенно если речь о столице, поэтому предстоит ещё целая череда согласований. Вы извините, Ксения, что я так обтекаемо вам отвечаю, но сами понимаете, в детали посвящать я вас не могу.

— Да вы что, Сергей Николаевич, — я поёжилась в своём кресле, с неприятной отчётливостью ощутив, как на меня давит пристёгнутый ремень безопасности. — Не нужно никаких извинений. Мне и в голову бы не пришло о таком вас расспрашивать. Хотела разговор поддержать, только и всего.

Хотела бы я, чтобы всё произнесённое было правдой. Но к чему себе-то врать? Я дёргалась и переживала от неизвестности, втайне надеясь, что московский проект отвергнут и Радов отбудет восвояси. А ещё жутко досадовала на то, что моё настроение вдруг стало так сильно зависеть от этого человека. Как в школьные годы, когда любой день его прогула воспринимался мной как манна небесная. Вот только жаль, что невзирая на типично хулиганский характер, Радов старался уроки всё-таки не пропускать.

Но мы давно не в школе. И появляться в мэрии он каждый

день не обязан. Угомонись, Стешина. Пусть даже с проектом всё выгорит и он останется здесь надолго. Может, ты и видеть-то его не будешь.

И только-только я уцепилась за эту простую, но очень приятную мысль, как мой собеседник решил внести крохотное, но важное уточнение.

— К слову, раз уж мы вспомнили о Радове... Мы с ним всё обговорили, и поскольку переговоры и согласования вот-вот войдут в активную фазу, он хочет быть с нами на связи. Ну, сами понимаете. Вдруг, что-нибудь срочно понадобится, а я на мероприятии или вообще на выезде. Поэтому я на всякий случай дал ему ваши контакты. Чтобы звонил вам, если понадобится, а я буду занят.

Глава 14

Он вдавил педаль газа в пол и мчал по пустому проспекту вечернего города. И тут бы наслаждаться тишью и благодатью провинциальных улиц, даже в конце рабочего дня не забитых безнадёжными пробками.

Вместо этого Макс зачем-то снова и снова прокручивал в голове все куцые диалоги со Стешиной, пытаясь как-то собрать воедино своё понимание ситуации.

Какого чёрта она так на него взялась? Причём буквально с порога. Она что, все эти годы свою ненависть к нему копила, чтобы когда-нибудь при случае плюнуть ему всем этим ядом в лицо?

Бред...

В смысле, он от своих грехов не отрещивался. Хотел же извиниться по-хорошему.

Кажется, вместе с привлекательной внешностью Стешина обзавелась ещё и охренеть каким крутым норовом.

Впереди загорелся красный, Макс послушно затормозил, хоть дорога и пустовала. Беспокойно забарабанил пальцами по рулевому колесу.

Ладно, хрен с ними, с младшими классами — все они были тогда малолетним дурачьём. У них мальчишки с девчонками так и вовсе вечно дрались на переменах, до того друг друга успевали задолбать, но потом-то что он такого творил?

Кое о чём ему, правда, напомнил Артур. Окей, принято. За это он и собирался извиниться, но неужели же он *на- столько* хреново помнил свои школьные годы, что упускал нечто очень важное. Нечто такое, за что его можно было *го- дами* проклинать?..

И чем дольше Макс над этим размышлял, тем неуютнее ему становилось. Он рос озлобленным на всех и вся подростком, он очень много кому крови попортил, включая учителей, но... зелёные глаза под длинными ресницами пылали убийственной ненавистью. Такой, которую питали только к тем, кто не просто обидел. Кто очень сильно ранил.

Красный сменился зелёным, и он рванул с места. Вслед за раздумьями приходила досада. Он приехал сюда бизнес вести, делами заниматься. Какого чёрта он вообще об этой Стешиной думает? Да пусть себе дуется, сколько угодно.

Раз такая гордая, что не пожелала его извинений принимать, бога ради. Пусть ненавидит. Как будто у него серьезнее забот нет, чем ломать голову над странностями этой...

Он не успел закончить свой эмоциональный внутренний монолог, потому что как раз в этот момент, будто разбуженное той самой досадой, из памяти нехотя выползло воспоминание о Дне святого Валентина. Шутку придумала Ольга, его тогдашняя зазноба. Макс пошёл в парк за компанию, потому что ему пообещали, что будет весело. Вообще-то он планировал залезть под юбку той самой Ольге — ну, в честь Дня всех влюблённых, так сказать, а вылилось всё в... мда...

Этот эпизод тогда казался ему таким пустым и ничего не значащим, что вообще непонятно, как он о нём вспомнил.

Но вот вспомнил же.

Вспомнил скукожившуюся на лавке фигурку, полные слёз глаза. Тогда его её вид не особенно тронул. Макс был зол на весь мир. Всех ненавидел. Мечтал побыстрее расквитаться со школой и свалить из родного города куда-нибудь подальше — неизвестно куда, только бы не страдать больше от той страшной дыры в груди, которая разверзлась там, когда не стало Графа. Его единственного настоящего друга на всём белом свете...

Он жил тем, чтобы причинять как можно больше неприятностей другим. Это позволяло ослабить скручивавшую внутри него узлы собственную боль — временами попросту невыносимую.

И Стешина была одной из тех, кто становился его обычным громоотводом. Попросту потому что позволяла над собой издеваться.

Он затормозил у родного подъезда, заглушил мотор и, не сдержавшись, саданул кулаком по рулю.

Приехал мать проведать, а вместо этого скатился на самое дно откровенно дурно пахнувшей ямы, где смердели воспоминания о далёком прошлом. И выбраться из этой ямы не получалось. Уж слишком скользкими оказались её края.

В итоге с матерью он побыл совсем недолго, зато разжился неожиданно полезной информацией, которой поначалу и не

искал.

Узнав, что ему по делам приходится иметь дело с мэрией, мать вдруг вспомнила, что там работает «дочка Стешиных, ну, рыженькая такая».

— Ксения, — напомнил он, допивая свой чай на родной когда-то кухне, которая преобразилась до неузнаваемости, когда он с первых же крупных своих доходов передал матери деньги и буквально потребовал сделать капитальный ремонт.

— Точно. Точно. Она.

Да, дома ничего не менялось — все обо всех всё знали.

— Мы ж с ними почти соседи. Через два дома вниз и налево — их пятиэтажка задом к посадке стоит.

— Ну, теперь уже не их, — мать поправила полу халата и передвинула магнитик на холодильнике, будто её не устраивало, как он прикреплен. — Мать её там и живёт, а Ксения давно съехала. Она почти в другом конце города, на Лесном живёт.

Эта информация почему-то показалась ему важной.

— Это там, где новые кварталы?

— Относительно, — пожала плечами мать. — Снимает там квартиру. В пятиэтажке, вроде. Она там одна такая. Неплохое жильё, говорят. Планировка удобная.

Он отхлебнул из кружки уставился взглядом на разноцветные магнетики, украшавшие холодильник.

— Сама?

— Живёт-то?

Он кивнул. На хрена ему знать-то? Зачем он интересуется?

— Да вроде одна. В смысле, не замужем она, это точно. Но, слышала, за ней кто-то на работе приударяет. Но это так, говорят.

Перед глазами мелькнуло мягкое, слегка брыластое, но всё ещё молодое лицо Карташова.

— Поеду я, ма, — он отставил кружку, встал из-за стола. — Завтра ещё заскочу. Смеситель новый тебе привезу. Установим.

Он пресёк все попытки матери уговорить его «подшаманить» старый. Делать ему больше нечего — время на рухлядь ненужную убивать. Он вообще-то не за тем такие деньжищи зарабатывал, чтобы на родных экономить.

Но всё это завтра. Сейчас ему нужно вернуться в номер, созвониться с Фоминым, обсудить новые детали сделки, показать генеральный план городской застройки. Может, Виктории позвонить, если она не пропадает где-нибудь в клубе...

Вместо этого час спустя Макс обнаружил себя на другом конце города, где раскинулась почти новая городская застройка.

Просто ему захотелось посмотреть, как и чём живёт этот самый квартал Лесной.

Просто поблуждать взглядом по освещённым окнам.
Просто так.

Просто, может быть, угадать, за какой из оконных занавесок пряталась та, кто жила здесь сама.

Глава 15

Следующие дни пролетели для него почти незаметно. Самое горячее и муторное время — бесконечные переговоры, обсуждения, консультации, сопутствующая бюрократическая волокита. До того времени, как проект действительно можно будет запускать в работу, пройдет ещё чёрт знает сколько времени.

Но ему до странности нравились все эти сложности — они служили залогом того, что позже он может и сам себя похвалить. Ничего не давалось ему просто так. Только кровью и потом, кровью и потом. Но это был справедливо завоёванный успех. Честный. Чистый. Его заслуга.

Вчера он долго общался по видеосвязи с Фоминым, и ворчание старшего партнёра по проекту странным образом его успокаивало.

Местные осторожничают. Пытаются просчитать, что вся эта затея даст в перспективе московским, а что — им самим. А вдруг тут где-то второе дно? А вдруг агрессивные москвичи мутят какую-то теневую схему?

Следить за их телодвижениями было забавно. А главное, они были очень предсказуемы в своих опасениях. И дело не в этой конкретной глубинке. Так вели себя все. Им протягивают жирный кусок на блюдечке с голубой каёмочкой, а они принимают.

Потом пойдут встречи-междусобойчики, попытки разведать информацию на стороне и прочее, и прочее.

Потом начнутся предварительные согласования.

Потом всю эту байду будут протаскивать через заседания горсовета. Потом начнут собирать всякие контрольные комиссии...

Короче, суть в том, что сейчас можно было расслабиться.

Мяч на их стороне поля — он своё дело сделал. И ему переживать было не о чем.

— Инфраструктура позволяет? Нашей планировке их генплан никак не помешает? — привычно хмурое лицо Фомина маячило в окошке «Зума».

Макс качнул головой и отхлебнул ледяного гранатового сока напрямиком из бутылки.

— С планировкой всё в порядке. Я с нашим главным архитектором консультировался. И с начальником их отдела архитектуры. У нас целая видеоконференция часа на три была. Теперь я знаю даже, какие сорта декоративных растений они собираются там высадить. Вам не о чем переживать.

— Люблю твою дотошность.

А то. В периоды активной подготовки любого проекта он себе спуска не давал. Поэтому обычно и не допускал промашек.

Кстати о промашках. Фомин, уже собиравшийся было отключаться, вдруг потемнел лицом ещё сильнее.

— Кстати, что у вас там с Викторией стряслось пару дней на-

зад? Ревела белугой.

Макс отёр губы тыльной стороной ладони и выругался про себя.

— Да ничего не стряслось. Это между нами.

— Максим, она моя дочь.

— Я это помню. Она ваша *взрослая* дочь. При всём уважении, Валерий Степаныч... вы знаете, что я не обсуждаю наши с ней отношения с вами.

— И всё-таки я хотел бы знать, стоит ли мне волноваться.

А вот это он больше всего не любил в отношениях с Фоминым. Тот почему-то считал, что роль ментора и в прошлом опекуна давала ему безграничный карт-бланш, и он не оставлял попыток им пользоваться, безо всякого стеснения переступая границы личного.

Может, ещё и по этой причине Макса всё чаще посещало желание поставить в их с Викой отношениях жирную точку. Пару раз он честно пытался это сделать, но она избегала прямого диалога.

А между тем чего-то, что хоть отдалённо можно было принять за любовь, между ними никогда и не было, а секс... двум привлекательным людям не особенно сложно отыскать возможность развлечься безо всяких обязательств.

Вот только Вика пудрила себе мозги тем, что влюблена, а Фомин расценивал их потенциальный матримониальный союз как выгодную инвестицию, ещё один удачный бизнес-проект. Макс терпел всё это, пока ему было удобно.

Но день ото дня эмоциональный дискомфорт становился всё очевиднее. И почему-то с особенной силой ощущался сейчас, когда он выехал из Москвы. Видимо, в действие вступала пресловутая схема, по которой легко вычисляется истинность чувств: настоящую любовь разлука закаляет, ненастоящую — со всей очевидностью обнаруживает.

Что-то подобное творилось и в его случае.

А дочь с отцом не спешили это признавать.

— Валерий Степаныч, давайте мы сами с ней разберёмся. Волноваться вам в любом случае незачем. Вы прекрасно знаете, что Вику я не обижу.

И Фомину пришлось отступить.

Вот только настроение этот разговор ему всё же подпортил.

Макс захлопнул ноутбук, отбросил его на подушки, сполз с диванной спинки и разлёгся плашмя, распрямляя спину.

Не стал бы он рассказывать Фомину, что с Викой они повздорили из-за того, что его дочь позавчера устроила с подругами рейд по клубам, и он ей не смог дозвониться. А вчера просто не взял трубку. Потому что был занят. Она отослала ему с дюжину истеричный аудиосообщений.

Он их все удалил.

Пообщались, называется.

Некогда ему сейчас такими вещами голову себе забивать. Он вообще-то работал.

Этим и собирается заниматься ближайшие пару месяцев,

не меньше. Здесь, подальше от чужих нравоучений и истерик. И сейчас, спустя почти пару недель после приезда, подобная перспектива больше его не расстраивала.

В конце концов, он здесь дома.

И будто в подтверждение его мыслей часа через полтора позвонил Артур.

— Слышь, хорош в своём президентском люксе киснуть. Подгребай к нам.

И Макс даже спрашивать не стал, кто эти «мы» и где эти «мы». Оделся и уехал развешаться, просто потому что мог себе это позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.